МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ БЫТЬ ИНТЕРЕСНОЙ И ПОЛЕЗНОЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ? (Ответ Джона Пассмора)

Л.Б. Макеева

Американский философ Уиллард Ван Орман Куайн как-то в шутку сказал, что люди, занимающиеся философией, бывают двух сортов: первые интересуются философией, а вторые – историей философии. За этим, на первый взгляд невинным, замечанием скрывается довольно распространенное среди аналитических философов пренебрежительное отношение к истории философии: для них подлинный философ – лишь тот, кто занимается исследованием философских проблем, поиском новых решений – иными словами, стремится к установлению философской истины. А коли так, то ни один философ, достойный называться таковым, не захочет тратить время на "копание" в прошлых философских теориях и идеях, которые по большей части оказываются собранием "заблуждений". Поэтому историком философии становится тот, кто не способен к самостоятельному философствованию, кем движет не стремление к истине, а любовь к "древностям".

Нужно сказать, что аналитические философы, подхватившие антиметафизические лозунги прежних позитивистов, отнюдь не были первыми или единственными выразителями подобного пренебрежительного отношения к занятиям историей философии. В свое время Кант, по сути, дал "освящение" такой точки зрения. В "Пролегоменах ко всякой будущей метафизике" он писал, что задача историков философии – "известить мир" о том, что совершено подлинными философами, которые "черпают из источников самого разума" Постоянно напоминая философу о невозможности сказать что-либо такое, что уже не было бы сказано кем-то раньше, историк оказывает ему плохую услугу, отвращая его от стремления к новым свершениям, поэтому, начиная работу, философ должен отвлечься от прошлых учений и "признать все до сих пор сделанное несделанным"[1].

Гегель же в своих "Лекциях по истории философии" специально обращается к вопросу о том, почему возможно противопоставление философов и историков философии, и усматривает корни такого противопоставления в некотором внутреннем про-

[1] *Кант И.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 69.

тиворечии, присущем самому историко-философскому исследованию. Он пишет: "Относительно истории философии нам раньше всего может прийти в голову мысль, что в самом этом предмете содержится явное внутреннее противоречие. Ибо философия хочет познать неизменное, вечное, сущее само по себе; ее цель – истина. История же сообщает о том, что существовало в одно время, а в другое время исчезло или было вытеснено другим. Если мы исходим из того, что истина вечна, то она не входит в сферу преходящего и не имеет истории. Если же она имеет историю, то, так как история есть лишь изображение ряда минувших образов познания, в ней нельзя найти истину, ибо истина не есть минувшее"[2]. Таким образом, Гегель ставит нас перед, казалось бы, неразрешимым затруднением: если истина вечна и неизменна, то она не может иметь истории; если история изучает то, что постоянно изменяется, она не может иметь отношения к истине. Стало быть, история философии является чем-то внешним по отношению к собственно философии. По мнению Гегеля, если мы примем такой взгляд на историю философии и признаем, что ее цель – сообщать о "существующих философских мнениях в той временной последовательности, в которой они появлялись и излагались", то она действительно предстанет перед нами как "галерея нелепиц или, по крайней мере, заблуждений"[3], а в таком виде она, несомненно, окажется "излишней и изрядно скучной наукой, сколько бы ни указывали на пользу, извлекаемую из таких движений мысли и учености"[4]. Итак, если философия и история философии связаны между собой лишь внешним, поверхностным образом, то история философии должна быть или историей ошибок, совершенных предшествующими философами, или историей внешних факторов, таких, например, как жизненные обстоятельства отдельных философов и условия, в которых их идеи завоевывали себе сторонников или наталкивались на противодействие. Если же мы попытаемся настаивать на наличии более глубокой и сущностной связи между философией и ее историей, то мы при таком раскладе, казалось бы, вынуждены будем исключить возможность подлинного философского знания и превратить саму философию в собрание необоснованных мнений.

Гегель, как известно, предложил выход из рассматриваемого затруднения, которое, с его точки зрения, возникает в силу неверного представления о природе философии, а в результате – и о

---

[2] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 2006. С. 74.
[3] Там же. С. 77.
[4] Там же. С. 78.

той связи, которая существует между философией и ее историей. Философию и историю философии нельзя противопоставлять, ибо они – одно: нельзя заниматься первой, не занимаясь второй, и наоборот. Это становится очевидным, когда мы понимаем, что человеческое мышление следует рассматривать в динамике, в постоянном развитии, в непрерывном переходе от одной ступени к другой, более высокой. Каждая их этих ступеней обязательно должна быть пройдена, если мы хотим достичь какого-либо прогресса в нашем философском осмыслении действительности. Более того, порядок, в котором философские системы сменяют друг друга в историческом развитии, воспроизводит логику выведения последовательных определений идеи, приближающихся к абсолютной истине. И хотя философские идеи и теории, представляющие собой стадии в этом процессе, обречены быть отброшенными (или быть подвергнутыми отрицанию), отсюда не следует, что они не имеют никакой ценности. Напротив, более поздние стадии становятся возможными благодаря более ранним, надстраиваясь над ними и вбирая в себя все положительное, что в них содержится. Поэтому ни одна философская теория не была создана напрасно, каждая внесла вклад в окончательную истину, будучи необходимой ступенью в саморазвитии духа. Все прежние философские системы содержат в себе момент абсолютной истины и были отвергнуты лишь как претензии на окончательное выражение абсолютной истины. Отражая свое время, выступая "мыслью своей эпохи", каждая прошлая философия дала лишь частное, ограниченное определение абсолютной идеи, но поскольку это частное определение является необходимым шагом в логическом раскрытии абсолютной идеи, Гегель делает отсюда вывод, что осмысляя идеи прошлых философов, мы философствуем в полном смысле этого слова. Исследуя принципы, воплощенные в их произведениях, мы приближаемся к постижению абсолютной идеи, и иного пути к философской истине у нас нет. Таким образом, история философии – это не простой рассказ об исторически сменявших друг друга мнениях, это единственный путь к открытию и осмыслению истины.

Безусловно, Гегелю удалось преодолеть сформулированное им затруднение, продемонстрировав его кажущийся характер. Противоречие между истиной и историей снято, но вопрос лишь в том, какой ценой удалось этого достичь и все ли философы согласятся заплатить эту цену. Ответ на этот вопрос совершенно очевиден, ибо немногие философы разделяют с Гегелем "историческое" представление о природе того, чем они занимаются, однако это не помешало некоторым из них достичь значительных

успехов, философствуя в совершенно ином ключе. Здесь достаточно сослаться на тот факт, что имеется не так уж много великих философов, которые прославились благодаря своим историко-философским исследованиям, и, более того, многие великие философы не только не проявляли интереса к истории философии, но и не обладали глубокими познаниями в этой сфере. Вместе с тем среди философов, выражающих солидарность с Гегелем в признании необходимости "исторического" понимания природы философии, большинство иначе трактуют эту историчность и, кроме того, довольно критично относятся к написанной им истории философии, где он попытался осуществить на практике сформулированную им концепцию историографии философии. В задачи настоящей статьи не входит, однако, критический анализ гегелевской концепции истории философии, к которой мы обратились лишь с тем, чтобы отметить одно любопытное обстоятельство, касающееся преобладающего в аналитической философии отношения к истории философии.

Вряд ли кто-то станет возражать, что трудно найти философов, которые бы более глубоко расходились с Гегелем в своих представлениях о природе философии, чем аналитические философы. Среди них пренебрежительное отношение к истории философии считалось почти нормой, а историко-философские исследования утратили какую-либо популярность: историк философии, по словам одного автора, стал в среде аналитических философов "поистине вымирающим видом". Многие представители этого философского направления уподобляли исследования философов деятельности ученых, но в одном пункте, касающемся рассматриваемой нами темы, они вынуждены были признать определенное отличие философа от ученого: если физику или химику для овладения специальностью необязательно изучать историю своей науки (хотя это и не возбраняется), то изучение идей предшественников (и через это приобщение к философской традиции) представляет собой необходимое условие для становления философа. Поэтому, когда аналитические философы заявляют, что изучение истории философии является подходящим делом для учеников, которые еще не освоили свою профессию, или для тех, кто не способен внести сколько-нибудь серьезный вклад в развитие самой философии, они косвенно признают важную роль истории философии в философском образовании.

Весьма интересен и другой факт: в своих работах аналитические философы не так уж редко пишут о философах прошлого и анализируют их идеи. Конечно, при этом они стремятся всячески

подчеркнуть, что делают это не как историки, а как философы, имея в виду, что они воспринимают философов прошлого как своих современников и коллег, которые заслужили право вступить в диалог, поскольку предложили хорошую формулировку той или иной точки зрения или нашли решение, к которому стоит прислушаться[5]. Обращаясь к идеям своих предшественников, аналитические философы вовсе не стремятся к их аутентичной трактовке; напротив, они считают нужным подвергнуть их "теоретической (или рациональной) реконструкции", навязав им истолкование, согласующееся с современными дискуссиями в философии. Например, когда Платону приписывается учение о том, что все слова являются именами, то подразумевается, что в воображаемом споре с современными философами он, учитывая его позиции в данном и близких вопросах, встал бы на эту точку зрения. Более того, многие аналитические философы полагают, что мы понимаем Платона в той мере, в какой можем ясным современным языком изложить, какие проблемы стояли перед ним, какие из этих проблем до сих пор сохраняют свою значимость и какой вклад Платон внес в их решение.

Изображая философию как вневременной "диалог разума", аналитические философы, безусловно, заслуживают обвинения в анахронизме, который является полярной противоположностью гегелевского представления об исторической природе философии. Однако, как известно, крайности часто сходятся, и в позиции Гегеля и аналитических философов есть, на наш взгляд, важная точка соприкосновения: если Гегель в исторической смене философских теорий и систем усмотрел определенный логический план – план развертывания абсолютной идеи, и, отдавая приоритет логическому, по сути представил исторические связи между

---

[5] В подтверждение приведу два примера. Так, Прайс Г.Х. в своей книге "Теория внешнего мира Юма" пишет: "Мои заметки адресованы тем, кто пишет о нем (о Юме. – *Л.М.*) как философ, а не как простой историк философской литературы, тем, кто задается вопросом о значении выдвинутых им положений, о том, являются ли они истинными или ложными и какие следствия вытекают из них. Мне нечего сказать тем, кого интересует исторический генезис его мнений" (*Price H.H.* Hume's Theory of the External World. Oxford, 1940. P. 3). Еще более язвительно высказывается Г. Райл в своей статье "Категории": "Вначале мне придется сделать несколько замечаний исторического характера вовсе не для того, чтобы продемонстрировать свою эрудицию в области философской палеонтологии либо добавить респектабельности новейшим концепциям, найдя в них примесь нормандской крови, а просто затем, что это удобный способ одновременно поставить философские проблемы и разъяснить некоторые традиционные термины, относящиеся к нашей теме" (*Райл Г* Понятие сознания. М., 2000. С. 323).

философскими системами в виде логических, то аналитические философы сделали еще один шаг в этом направлении и вообще отказались от рассмотрения исторических связей, решив, что значение имеют лишь логические связи идей с современными дискуссиями. Таким образом, сформулированное Гегелем в отношении истории философии затруднение получает в рамках аналитической философии вид следующей дилеммы: или мы прочитываем философов прошлого так, что они становятся значимыми для наших современных проблем и исследований, или же мы прилагаем все усилия, чтобы воспринять их в контексте их времени, тщательно заботясь о точном воспроизведении специфики их взглядов. В первом случае мы преобразуем высказанные ими идеи в такую форму, в какой они выразили бы их, будучи нашими современниками; достигается это во многом за счет того, что мы минимизируем, игнорируем или даже порой неправильно истолковываем те их взгляды, которые не поддаются такому преобразованию. Во втором случае идеям прошлых философов отводится роль музейных экспонатов, представляющих интерес лишь для любителей древностей[6]. А. Макинтайр, сформулировавший эту дилемму, в духе Гегеля полагает, что мы найдем из нее выход, если осознаем историческую природу философии. Однако в своей статье нам хотелось бы рассмотреть другую попытку преодолеть эту дилемму – попытку, предпринятую австралийским философом Джоном Пассмором с тем, чтобы продемонстрировать актуальность и полезность истории философии для современной философии.

Российскому читателю Джон Пассмор известен как автор двух историко-философских трудов "Сто лет философии" ("A Hundred Years of Philosophy", 1957) и "Современные философы" ("Recent Philosophers", 1983)[7], однако это довольно много-

---

[6] См.: *MacIntyre A.* The Relationship of Philosophy to Its Past // Philosophy in History / Ed. R. Rort, J.B. Schneewin, Q. Skinner (eds.). Cambridge, 1985. P. 39–40.

[7] В русском переводе эти работы Пассмора вышли в 1998 и 2002 гг. соответственно. Следует отметить ряд особенностей написанной Пассмором истории философии. Во-первых, это не история философии отдельной страны, отдельного региона или отдельного философского направления. Не является она и историей мировой философии, хотя название первой историко-философской книги Пассмора "Сто лет философии" указывает на то, что речь должна идти о наиболее значимом и важном в развитии мировой философии за последние сто лет. Пассмор отмечает, что история философии написана им "с английской точки зрения", т.е. он повествует о тех авторах и идеях, принадлежавших к разным философским традициям и разным странам, которые оказали влияние на дискуссии, происходившие в Англии в этот период. Прекрасно понимая, что отбор наиболее важного и значимого всегда – независимо от того, осознает

гранный и интересный философ, поэтому уместно кратко коснуться его биографии.

Джон Артур Пассмор родился 9 сентября 1914 г. в городе Мэнли в австралийском штате Новый Южный Уэльс. Изучал английскую литературу и философию в Сиднейском университете, где его учителем был профессор Джон Андерсон, выходец из Шотландии, усилиями которого была воспитана целая плеяда современных австралийских философов. После окончания учебы Пассмор сначала преподавал в Сиднейском университете, а затем переехал в Новую Зеландию, где продолжил преподавательскую деятельность в университете Отаго. В 1955 г. он возвратился в Австралию и начал работать в Исследовательской школе социальных наук при Австралийском национальном университете, где ему предстояло пройти путь от доцента до заведующего кафедрой философии. Параллельно Пассмор много преподавал за рубежом (прежде всего в Великобритании и США) и вел широкую общественную деятельность. Как лектор и автор философских работ он быстро приобрел известность далеко за пределами Австралии. Этому в немалой мере способствовали упомянутые выше историко-философские труды "Сто лет философии" и "Современные философы". Следует учитывать, что эти труды появились в тот период, когда в англоязычных странах почти безраздельно господствовала аналитическая философия, а среди представителей этого философского направления, как уже отмечалось выше, было распространено довольно пренебрежительное отношение к историко-философским исследованиям, поэтому заслуга Пассмора состояла в том, что он, во-первых, попытался преодолеть это общее умонастроение и, во-вторых, с него – правда, с некоторыми оговорками, о которых будет сказано ниже, – начинается написание истории аналитической философии. Однако этим его преобразующее влияние на англоязычную философию не исчерпывается. Не меньшее значение имеет то, что

это историк или нет, – ведется с определенной точки зрения и что абсолютно объективная и беспристрастная оценка в этом деле не достижима, Пассмор четко формулирует свой критерий отбора, предлагая взгляд на развитие мировой философии с "английской" позиции. Во-вторых, у Пассмора читатель не найдет привычных для историко-философских трудов кратких биографий философов и общего обзора их основных взглядов и произведений. Более того, Пассмор не считает зазорным разбивать изложение различных идей одного и того же философа по разным главам. В результате подлинным героем в историческом повествовании Пассмора оказывается не отдельный философ или философская теория, а дискуссия, столкновение различных точек зрения по той или иной философской проблеме или теме.

Пассмор выступил одним из создателей так называемой прикладной философии, под которой понимается философское осмысление наиболее актуальных и важных социальных проблем, связанных с такими областями, как экология, образование, медицина и т.п. Его книга "Ответственность человека перед природой" ("Man's Responsibility to Nature", 1974) положила начало широкому обсуждению философами экологических проблем. Кроме того, Пассмора интересовали философские проблемы образования ("The Philosophy of Teaching", 1980), искусства ("Serious Art", 1991) и науки. Он написал замечательную работу о специфике философских рассуждений ("Philosophical Reasoning", 1961), но все же главным достижением, видимо, следует считать его историко-философские исследования.

Вместе с тем Пассмор не только написал историю современной философии, но и высказал интересные соображения о том, как следует писать историю философию. Его размышления на этот предмет нашли отражение в ряде его работ; в частности, в 1965 г. он опубликовал статью "Идея истории философии"[8], а затем суммировал свои идеи в разделе "Историография философии", написанном им для англоязычной "Философской энциклопедии" под редакцией П. Эдвардса[9]. В этих работах Пассмор выделяет различные жанры или формы, в которых можно писать о прошлой философии, отмечает их сильные и слабые стороны и обосновывает наиболее приемлемый, с его точки зрения, способ написания истории философии. На наш взгляд, знакомство с "историографическими" идеями Пассмора, с одной стороны, поможет лучше понять общий замысел его историко-философского исследования, а с другой стороны, приобщит к размышлениям над важной и интересной проблемой: что такое история философии, каковы ее задачи и какое значение она имеет для философии? Вполне вероятно, что кому-то позиция Пассмора покажется неубедительной или даже ошибочной, но нельзя не признать его заслуги в том, что он хорошо осознал всю сложность и непреходящую актуальность данной проблемы и попытался найти для нее приемлемое решение.

Главный вопрос, на который пытается ответить Пассмор: как нужно писать историю философии, чтобы она была полезной и интересной современным философам? На первый взгляд ответ на

---

[8] См.: *Passmore J.A.* The Idea of a History of Philosophy // History and Theory. 1965. P. 1–32. Beihefts 5 "The Historiography of the History of Philosophy"

[9] См.: *Passmore J.A.* Philosophy, Historiography of // The Encyclopedia of Philosophy: 8 vols. / Ed. Paul Edwards. London, 1967. Vol. 6. P. 226–230.

поставленный вопрос лежит на поверхности, поскольку любой философ в своем творчестве неизбежно обращается к идеям своих коллег, среди которых есть как современники, так и предшественники. Это связано с тем, что разработка новой философской теории, как правило, опирается на критический анализ существующих решений и демонстрацию их неприемлемости. Такой способ работы с прошлой философией Пассмор назвал "полемическим жанром" историко-философского исследования. Если в англоязычной аналитической философии XX в. сохранялся статус "философских" за какими-либо трудами о прошлой философии, то в основном это были именно полемические работы[10], хотя их авторы вовсе не считали себя историками философии. Яркими примерами книг, написанных в полемическом жанре, могут служить "Критическое изложение философии Лейбница" Б. Рассела, "Открытое общество и его враги" К. Поппера, "Философия в двадцатом веке" А.Дж. Айера. Важным достоинством этого жанра является то, что он представляет безусловный интерес для современных философов и, более того, в этом жанре могут писать только профессиональные философы. Однако, согласно Пассмору, полемический жанр при всей его правомерности имеет ряд особенностей, которые не позволяют ему стать наиболее предпочтительным способом написания истории философии. Во-первых, полемист обсуждает идеи философов прошлого, как если бы они были его живыми собеседниками. Тот факт, что рассматриваемые философы жили и писали в другое время, является для него случайностью, не имеющей существенного значения для понимания их идей. Полемист не останавливается перед переформулировкой идей своих предшественников в современных ему терминах и часто не склонен считать себя связанным канонами исторической интерпретации. Во-вторых, полемиста прежде всего заботит обоснование своих собственных идей или критика идей его современников, поэтому обращение к истории служит ему лишь отправной точкой или плацдармом для обсуждения стоящей перед ним проблемы. Всё это создает условия для искаженного представления взглядов философов прошлого; хуже того, им порой приписываются идеи, которых вряд ли стал бы придерживаться разумный человек и которые затем с легкостью опровергаются.

Пассмор отмечает, что в основе полемического подхода лежит допущение о том, что существуют "вечные" проблемы, над

---

[10] Выдающимся исключением можно счесть "Историю западной философии" Б. Рассела, хотя ее лишь с некоторой натяжкой можно отнести к квалифицированному историко-философскому исследованию.

которыми бились философы прежних эпох и которые сохраняют актуальность для современных философов. Так, например, с древних времен философы пытаются ответить на вопросы, что есть знание, существует ли свобода воли, какова природа истины и т.п. С этим допущением принципиально не согласны те, кто подчеркивает необходимость рассмотрения истории философии в контексте развития культуры, ибо, с их точки зрения, вечных философских проблем не существует; вопросы, стоящие перед философом, вырастают из его эпохи и достичь подлинного понимания его идей можно только в ходе изучения социокультурных условий его творчества. В качестве наиболее яркого и последовательного защитника такого культурно-исторического подхода к истории философии Пассмор рассматривает Дж. Коллингвуда. По мнению последнего, история философии в жанре, названном Пассмором полемическим, просто невозможна, поскольку цели полемиста противоречат природе исторического исследования. Полемист не осознает, что история, к которой он якобы обращается, – это "не история ответов на один и тот же вопрос, а история проблемы, более или менее постоянно меняющейся, и решение ее меняется вместе с изменением самой проблемы"[11]. Более того, если мы возьмем метафизику как наиболее фундаментальный раздел философии, то изучение ее истории позволяет раскрыть не ответы на вопросы, поставленные тем или иным историческим периодом, а их предпосылки, ибо "метафизика... – не бесплодная попытка познать то, что лежит за пределами опыта, но всегда является попыткой выяснить, ...что люди данной эпохи думают об общей природе мира, причем эти представления оказываются предпосылками всех их "физик", т.е. конкретных исследований деталей"[12]. В результате при таком подходе тот факт, что Платон жил в Греции в V в. до н.э., а Юм – в Англии XVIII в., имеет ключевое значение для понимания их идей.

По мнению Пассмора, культурно-исторический подход к философии прошлого вполне правомерен и может быть довольно плодотворным, но он имеет некоторые ограничения, вытекающие из его специфики. Совершенно справедливо отмечая, что философия, говоря словами Дж. Дьюи, является не чем-то изолированным, но "отдельной главой в книге развития цивилизации и культуры"[13], сторонники этого подхода склонны впадать в другую крайность, отказывая истории философии в какой-либо

---

[11] *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 358.
[12] Там же. С. 360.
[13] *Дьюи Дж.* Реконструкция в философии. М.: Логос, 2001. С. 43.

автономности. Данный подход предписывает рассматривать философию той или иной эпохи "в горизонтальной плоскости", т.е. с учетом ее социокультурного окружения, а не "в вертикальной", предполагающей прослеживание "логических" связей с идеями предшествующих философов. Если видеть в философии прежде всего проявление "духа" эпохи или выражение глубинных предпосылок ее культуры, то в историческом исследовании на передний план часто выдвигаются незначительные философы, наиболее точно отражающие тенденции своего времени, тогда как более крупным фигурам, демонстрирующим большую интеллектуальную независимость и выходящим поэтому за рамки своего времени, уделяется куда меньше внимания. Философия сама по себе – не как одно из воплощений духа эпохи, а как поиск аргументированных решений определенных проблем – не интересует историка культуры, который к тому же может и не быть профессиональным философом. Сказанное означает, что при написании истории философии нужно найти "золотую середину" между признанием включенности каждого философа в культуру своего времени и ви́дением истории философии как довольно самостоятельной ветви в развитии культуры, сохраняющей преемственность при переходе от одной культурной эпохи к другой. Как пишет Пассмор, "философия является самостоятельным исследованием в том смысле, что она имеет свои собственные проблемы, но отсюда никоим образом не следует, что эти проблемы возникают в ней изолированно от проблем ученых, теологов и поэтов или независимо от происходящих социально-экономических изменений"[14].

Среди различных жанров историко-философского исследования Пассмор выделяет и наиболее древний способ краткого изложения философских учений, примененный учеником Аристотеля Теофрастом в первой книге своего сочинения "О мнениях физиков" Следуя традиции, Пассмор называет этот жанр доксографическим и его образцовым выражением считает работу Диогена Лаэртского "О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов" Для авторов доксографических историй характерно разделять философов на "школы" и прослеживать хронологические связи и влияния только в рамках одной и той же школы, при этом изложение основных идей философа, снабженное определенным количеством биографических подробностей, не содержит даже намека на объяснение, почему философ утверждал то, что он утверждал, какие проблемы стояли перед ним и почему он не был

[14] *Passmore J.* The Idea of a History of Philosophy. P. 16.

удовлетворен существующими решениями. При некоторых усовершенствованиях доксографический жанр преобладал до второй половины XVIII в., когда преимущественно в Германии разгорелись споры о природе истории философии. Признавая необходимость доксографических работ – поскольку именно доксографическая информация определяет пределы нашего знания по истории философии, Пассмор полностью согласен с Гегелем, обвинившим современных ему историков философии в том, что, повествуя о существовавших философских мнениях, они создают лишь "галерею нелепиц или, по крайней мере, заблуждений, высказанных людьми, углубившимися в мышление и в голые понятия"[15]. Предоставляя некоторым эрудитам возможность проявить свою ученость, такая история оказывается совершенно "бесполезной" наукой, поскольку никоим образом не продвигает нас в понимании философских идей.

Разработанная Гегелем концепция истории философии дала начало историко-философскому жанру, который Пассмор назвал ретроспективным. Как отмечалось выше, согласно Гегелю, подлинная история философии – это не последовательность мнений, а постепенное движение человеческого разума к истине. Кульминацией этого движения, по сути, стала философия самого Гегеля, вобравшая в себя всё ценное из трудов предшественников, представив его в высшем и окончательном синтезе. Гегель находит недостаток прошлых учений не в их ложности, а в их односторонности, которая была неизбежной в момент их появления, поэтому история философии – это "ряд благородных умов, галерея героев мыслящего разума, которые силой этого разума проникли в сущность вещей, в сущность природы и духа, в сущность бога, и добыли для нас величайшее сокровище, сокровище разумного познания"[16]. В своей концепции Гегель воплотил ту очевидную мысль, что мы всегда смотрим на прошлое с точки зрения настоящего, выделяя в нем то, что интересует нас сейчас или представляется нам важным. Но это не означает, считает Пассмор, что историк должен думать о прошлых философах как об идущих, пусть и неосознанно, к гегельянству или к любой другой философской теории, принятой нами за нынешнее состояние философии, ибо это неизбежно приводит к фальсификации истории философии. При ретроспективном подходе логические связи между сменяющими друг друга философскими учениями устанавливаются слишком жестко, определяя одну схему развития филосо-

---

[15] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 77.
[16] Там же. С. 69.

фии: всё, что не укладывается в эту схему, отбрасывается как "порочное" или "несущественное". Поскольку никакой "высший синтез" не способен включить в себя всю историю философии и философы иногда высказывают идеи, противоречащие друг другу в абсолютном смысле, «историю философии надо писать так, чтобы появление в XX в. Хайдеггера было столь же понятным, как и появление Витгенштейна, Кроче, Дьюи и Рассела»[17]. Коли не существует единой "философии настоящего", с позиции которой можно было бы рассмотреть "философию прошлого", то историк не имеет права игнорировать и те философские течения и идеи, которые не были поглощены ни одной из современных ему философских теорий.

Разработку еще одного историко-философского жанра Пассмор связывает с именем французского философа Шарля Ренувье, который попытался представить историю философии как непрекращающийся конфликт между противоборствующими тенденциями[18]. Наличие подобных тенденций в истории философии, проявляющееся в периодическом возобновлении ряда споров (например, спора между реалистами и номиналистами), Ренувье объясняет личностными различиями между философами – различиями, которые в последующем У Джеймс охарактеризует как "мягкий" и "жесткий" типы. При таком подходе философия в каком-то смысле не имеет истории, поскольку историк скорее занимается классификацией философских идей (отнесением их к тому или иному типу), нежели выстраиванием исторического повествования. Пассмор не отрицает правомерности "классификационного" жанра и согласен с тем, что в философии влияние "темпераментов" особенно велико, но, по его мнению, отнюдь не меньшее значение для философов так же как для ученых, имеют аргументы и без осознания этого обстоятельства нельзя написать адекватной истории философии.

Отметив слабые и сильные стороны рассмотренных историко-философских жанров, Пассмор обращается к обоснованию способа написания истории философии, который представляется ему наиболее предпочтительным и который он называет "проблемным". Мы не будем касаться вопроса о том, насколько полон составленный Пассмором список жанров, однако, на наш взгляд, он довольно обширен и репрезентативен, чтобы придать вес сделанному его составителем выбору наиболее приемлемого историко-философского жанра.

---

[17] *Passmore J.* The Idea of a History of Philosophy. P. 23.

[18] См.: *Renouvier Ch.* Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques: 2 vols. Pariss, 1885–1886.

Проблемный жанр опирается на предположение о том, что философия, подобно науке, представляет собой деятельность по решению проблем. "В намерения философа, – пишет Пассмор, – если только он не является очень плохим философом, не входит построение системы; то, что он старается делать, так это решать проблемы"[19]. Более того, именно проблемы и аргументы обеспечивают связность и преемственность в развитии философии и позволяют преодолевать неизбежно присутствующие в нем пространственно-временные разрывы. Это происходит благодаря тому, что один философ, читая другого, знакомится с его решением некоторой проблемы и подвергает его критике. Однако здесь мы вновь сталкиваемся с вопросом, поставленным культурно-историческим подходом: могут ли действительно проблемы служить связующим звеном в истории философии? Разве не вырастают они из социокультурных условий той или иной эпохи? Конечно, признает Пассмор, чтобы понять идеи Платона, мы должны погрузиться в контекст греческой культуры его времени, но, проделав это, мы можем обнаружить, что есть много общего между проблемами, интересовавшими его, и проблемами, интересующими нас. И в этом нет ничего удивительного, ибо мы принадлежим к одному человеческому роду; как и нам, Платону была ведома тирания и свобода, он видел последствия некомпетентности и трусости людей, их жажды власти и богатства и т.п. Поэтому мы вполне можем представить, для решения каких проблем было написано им "Государство" и в чем эти проблемы сходны с нашими, хотя мы живем в совершенно иных условиях. Проблемы, над которыми бьются философы, бывают разных видов: есть среди них и такие, которые называют "вечными", хотя и они от эпохи к эпохе меняют свое "обличье", но постоянно философы сталкиваются с новыми проблемами, неизвестными их предшественникам. Проблемный подход, предписывающий приступать к рассмотрению любого философа с такими вопросами, как "Какую проблему пытался решить данный философ?", "Как возникла эта проблема для него?", "Почему он считал имеющиеся решения неудовлетворительными?", позволяет, считает Пассмор, усмотреть определенное развитие, "продвижение" в истории философии. Это продвижение состоит в том, что философы приходят к более ясному ви́дению своих проблем, к осо́знанию неприемлемости на первый взгляд вполне правдоподобных решений, к построению новых гипотез. "Прогресс в обсуждении философских проблем проявляется в том, что мы, к примеру, сегодня яснее, чем Платон,

---

[19] *Passmore J.* The Idea of a History of Philosophy. P. 27.

понимаем трудности, возникающие при попытке дать удовлетворительное описание природы математических суждений, не только потому что Платон ничего не знал об алгебре или современной геометрии, но и благодаря тому, что после Платона на эту тему писали Кант, Клиффорд и Рассел"[20]. Более того, по мнению Пассмора, "проблемное" написание истории философии является единственным подходом, проливающим свет на *внутреннее* развитие философии, хотя "проблемный" историк вовсе не обязан трактовать историю философии исключительно как изолированный процесс развития от одного философа к другому. Напротив, для адекватного уяснения проблем, которыми занимался изучаемый им философ, он неизбежно должен будет принять во внимание происходящее в обществе и культуре. Он должен будет понять, почему люди в изучаемый им период стали думать над такими-то вещами, почему ими овладевали определенные типы проблем и определенные образцы их решения, из каких интеллектуальных и социальных условий вырастали их проблемы, как они продвинулись в понимании этих проблем и т.п. Таким образом, именно проблемный подход позволяет найти нужную "перемычку" между "внутренней" и "внешней" историей, между внутренней и внешней детерминацией философских поисков.

Перечисленными достоинства проблемного подхода, по мнению Пассмора, не исчерпываются, и их можно дополнить следующими. Во-первых, писать "проблемную" историю философии значит писать о философии в философской манере, а это невозможно без подлинного интереса к философии, без увлеченности философскими проблемами, без погруженности в поиск их решения, т.е. историк философии должен сам уметь философствовать, должен быть профессиональным философом. Вместе с тем он должен владеть и мастерством историка. Философы очень редко осознают природу своих проблем и допущения, на которые они опираются при их исследовании. Эти допущения должен уметь выявлять историк философии, владея специальной техникой изучения разнообразных источников (произведений, переписки, архивных материалов и т.п.). Таким образом, проблемный подход требует, чтобы те, кто его применяет, были одновременно философами и историками. Во-вторых, "проблемная" история философии позволяет тем, кто с нею знакомится, проследовать по пути философских поисков и открытий, а это лучший метод обучения философии. В-третьих, изучение проблемной истории философии полезно профессионально работающим философам,

---

[20] Ibid. P. 29.

поскольку оно расширяет их ви́дение исследуемых проблем, открывая перед ними значительно более богатое разнообразие подходов и решений, чем то, с которым они непосредственно имеют дело.

Таким образом, считает Пассмор, проблемный способ написания истории философии сочетает в себе достоинства всех других выделенных им жанров историко-философского исследования, но в то же время лишен их недостатков, поэтому "удовлетворительная история философии... должна быть проблемной по своему подходу"[21]. Подтверждение этому он находит в том, что для большинства лучших работ по истории философии характерен именно проблемный подход. Показательно, что в истории философии, написанной Гегелем, философы не просто придерживаются каких-либо взглядов, а бьются над решением проблем. Именно потому, что Виндельбанд проявляет живой и неподдельный интерес к философским проблемам в своей "Истории философии" (1890), она сохраняет свою актуальность до наших дней. Проблемная ориентация придает увлекательность и истории западной философии, написанной Б. Расселом. Этот список можно продолжить.

Вместе с тем Пассмор отмечает, что применение проблемного подхода требует пространства и времени, которые не всегда доступны историку, пишущему не работу о творчестве отдельного философа, а общую историю философии какого-нибудь периода. Такие общие историко-философские работы не могут быть чем-то большим, нежели хронологически выстроенным справочником, и в них чрезвычайно трудно, если вообще возможно, реализовать преимущества проблемного подхода. Однако это не означает, что такие работы не нужно писать; следует только помнить, что они содержат лишь предварительное истолкование взглядов философа, а не подлинно историческое исследование его творчества.

Завершая изложение концепции историографии Джона Пассмора, нам хотелось бы отметить такие ее важные особенности, как гибкость и плюралистичность. Пассмор, безусловно, сторонник плюрализма: он признает, что о прошлой философии можно писать в разных жанрах, и каждый из этих жанров по-своему хорош. Однако на роль подлинной истории философии может претендовать только "проблемный" подход, поскольку в нем органически сочетаются историческое и философское исследование. Именно такой подход позволит преодолеть пренебрежительное

[21] Ibid. P. 27.

отношение "настоящих" философов к истории философии, что важно для самой современной философии, ибо в этом – залог ее существования и плодотворного развития. В ответ на шутливое замечание Куайна, с которого мы начали нашу статью, А. Макинтайр предложил другую шутку: люди, занимающиеся философией сегодня, обречены стать теми, кто через сотню лет будет представлять интерес только для историков философии, поэтому, сводя философское прошлое к нулю, современные философы заранее сводят к нулю самих себя и свои идеи[22]. Чтобы этого не происходило, философы должны осознавать неразрывную историческую связь со своими предшественниками.

---

[22] См.: *MacIntyre A.* The Relationship of Philosophy to Its Past. P. 40.